

Ф.Д. ДЖЕЙМС

Череп под кожей

Ф.Д. Джеймс – королева романов о преступлениях

Филлис Дороти Джеймс
Череп под кожей
Серия «Корделия Грей», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8320676
Джеймс, Филлис Дороти Череп под кожей : [роман] : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-080145-9

Аннотация

На маленьком островке Корси обнаружен труп известной актрисы Клариссы Лайл. Незадолго до гибели Клариссы ее муж – богатый аристократ сэр Джордж – обращался за помощью к частному детективу Корделии Грей. Актриса стала получать по почте письма с угрозами, причем неизвестный недоброжелатель использовал в них цитаты из пьес Шекспира.

Но он ли убийца? Или от королевы сцены избавился кто-то другой?

Единственная зацепка Корделии Грей – старинная шкатулка, в которой жертва зачем-то хранила давнюю газетную вырезку.

Неужели рецензия о спектакле в одном из провинциальных театров стала мотивом для чудовищного преступления?..

Содержание

Часть I	5
Глава первая	5
Глава вторая	17
Глава третья	20
Глава четвертая	24
Глава пятая	28
Глава шестая	33
Глава седьмая	38
Часть II	43
Глава восьмая	43
Глава девятая	47
Глава десятая	53
Глава одиннадцатая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Филлис Дороти Джеймс

Череп под кожей

Замысловато и грамотно... Писательский талант Джеймс раскрылся здесь в полной мере.

«Сан-Франциско кроникл»

Даже после самого тщательного изучения карт и схем вам не удастся обнаружить близ побережья Дорсета остров Корси или его викторианский замок, поскольку и то и другое существует исключительно в воображении автора и читателей книги. Подобным образом кровавые события истории Корси, а также участвовавшие в них лица, не имеют отношения к реальным событиям и людям, жившим на самом деле.

*Уэбстер, одержимый смертью,
Под кожей череп увидал,
И под землей бесплотный человек
С беззубою ухмылкой проползал.
Нарцисса луковки в глазницах
Мерцали бледно-желтым светом.
Он знал, что мертвых эта мысль
Лишит их похоти навеки.*

Т.С. Элиот. Отголоски бессмертия

P.D. James

THE SKULL BENEATH THE SKIN

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Greene and Heaton Ltd., Literary Agency и Andrew Nurnberg.

© P.D. James, 1982

© Перевод. Е.И. Филиппова, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Часть I

Приглашение на остров

Глава первая

Не оставалось никаких сомнений: новая вывеска оказалась кривой. Корделии было вовсе не обязательно перебегать Кингли-стрит, с ловкостью Бивиса лавируя между автомобилями в полуденной пробке, и шуриться в надежде разглядеть их вывеску сквозь гудящие ряды такси и развозящих товары грузовиков, чтобы признать очевидный математический факт: аккуратный бронзовый прямоугольник, дорогостоящий и тщательно отполированный, на полдюйма не соответствовал идеальным пропорциям. Несмотря на всю простоту написанных на ней слов, вывеска казалась ей одновременно претенциозной и нелепой – идеальная реклама напрасных надежд и неразумных предприятий.

Детективное агентство Прайда (Третий этаж) Собств. Корделия Грей

Будь она суеверной, решила бы, что это неприкаянная душа Берни протестует против новой вывески в связи с исчезновением с нее его имени. Действительно, в тот момент казалось весьма символичным, что забвению Берни предала именно она. Корделия никогда не собиралась менять название агентства, оно всегда будет называться агентством Прайда. Тем не менее ее все больше раздражали вопросы клиентов, удивленных как ее половой принадлежностью, так и юным возрастом, и комментарии вроде: «Я думал, что меня примет мистер Прайд». Пусть с самого начала знают, что у агентства всего один владелец, причем женского пола.

Бивис встретил ее у двери. На его красивом живом лице отражалось некое подобие уныния.

– Я самым тщательным образом измерил расстояние от земли. Честно, мисс Грей, – произнес он.

– Я знаю. Должно быть, тротуар неровный. Это я виновата, нужно было купить спиртовой уровень.

Однако она изо всех сил пыталась сократить текущие расходы и не тратить больше десяти фунтов в неделю из тех денег, что хранились в потертой жестяной банке из-под сигарет с изображением Ютландского сражения¹, доставшейся ей в наследство от Берни. Казалось, деньги исчезают из нее каким-то неведомым образом, и это никак не соотносится с фактическими расходами. Она поступила опрометчиво, поверив Бивису, когда он заявил, что умеет держать в руках отвертку. Она просто забыла, что Бивису любая работа импонировала больше, чем та, которой он должен был заниматься. Он сказал:

– Если закрыть левый глаз и вот так повернуть голову, то выглядит нормально.

– Предлагаю не рассчитывать на то, что нас будут посещать исключительно одноглазые кривошеие клиенты.

Корделия взглянула на Бивиса: на его лице отразилось страшное отчаяние, в какое только может впасть человек, узнав о начале ядерной войны. Она тут же почувствовала смутное желание ободрить его после столь явного проявления непрофессионализма. В число неприятных аспектов роли работодателя, для которой, как ей казалось, она совершенно не

¹ Морское сражение времен Первой мировой войны между германскими и британскими военно-морскими силами. – *Здесь и далее примеч. пер.*

годилась, входило чрезмерное беспокойство за чувства подчиненных вкупе со смутным ощущением вины. А это было уж совсем необъяснимо, поскольку, строго говоря, она не являлась непосредственным нанимателем Бивиса или мисс Модсли. Оба приходили из бюро по трудоустройству мисс Фили раз в неделю, когда в агентстве накапливалось достаточно работы. К этим двоим обычно не выстраивалась очередь из нанимателей, и они, как правило, оба, что было весьма подозрительно, неизменно оказывались свободны, когда требовались их услуги. Оба добросовестно относились к работе, были честны и искренне преданны ей. Оба, без сомнения, оказали бы ей качественную секретарскую помощь, если бы она наделила их такими полномочиями. И она переживала за обоих, потому что знала: любая неудача агентства ранит их так же, как и ее. Мисс Модсли расстраивалась больше. Она была кроткой шестидесятидвухлетней женщиной, сестрой приходского священника, и жила на пенсию в крошечной комнатке в южном Кенсингтоне. Именно вследствие своей кротости, возраста, некомпетентности и девственности она только и делала, что работала в машинописных бюро, с тех пор как скончался ее брат. Бивису с его услужливостью и налетом корыстности было гораздо легче выжить в лондонских джунглях. Он якобы был танцовщиком и в свободное время подрабатывал машинистом, хотя слово «отдых» едва ли можно было применить к беспокойному мальчику, который если сидел, то вечно ерзал на стуле, а стоял всегда на цыпочках, растопырив пальцы и широко раскрыв глаза, с таким напряженным видом, словно готовился взлететь. В его дипломе, выданном безвестным секретарским колледжем, который давно закрылся, значилось, что он печатает со скоростью тридцать слов в минуту. Однако Корделия напомнила себе, что даже этот документ не гарантировал качественного выполнения мелких хозяйственных поручений.

Они с мисс Модсли, как ни странно, нашли общий язык: в приемной в перерывах между сеансами медленного набора текста эти двое болтали намного чаще, чем, по мнению Корделии, полагалось двум противоположностям, будто явившимся из разных миров. Бивис повествовал о домашних и рабочих неурядицах, перемежая рассказ непонятно откуда взятыми и зачастую непристойными сплетнями. Мисс Модсли же привносила в этот возмутительный мир невинность, теологию высокой англиканской церкви, морализаторство члена семьи священника и здравый смысл. Иногда жизнь в агентстве становилась совсем уж веселой, но мисс Модсли исповедовала старомодные взгляды в том, что касалось дистанции между работодателем и работником, и кабинет, где трудилась Корделия, был для нее неприкосновенным.

Вдруг Бивис вскричал:

– О Господи, это Томкинс!

На пороге появился маленький черно-белый котенок, осторожно, с напускной небрежностью потряс лапой, вытянул хвост, потом вдруг, придя в ужас, задрожал, стремглав бросился прочь и исчез под почтовым автомобилем. Бивис, запричитав, бросился следом. Томкинс олицетворял одно из провальных предприятий агентства: от него отказалась старая дева, носившая ту же фамилию. Она наняла Корделию для поисков пропавшего черного котенка с белым пятном у глаза, двумя белыми лапами и полосатым хвостом. Томкинс полностью соответствовал описанию, но его предполагаемая хозяйка тут же узрела в нем самозванца. После того как они спасли малыша от неминуемой голодной смерти на стройке за вокзалом Виктория, у них едва ли хватило бы духу его бросить. И теперь он обитал в приемной вместе с лотком, корзиной с подушечками и возможностью по ночам выбираться на крышу через полуоткрытое окно. Томкинс дорого обходился фирме. Это объяснялось даже не тем, что кошачья еда постоянно дорожала, хотя мисс Модсли в самом деле поступила опрометчиво, купив ему в качестве первого угощения самую дорогостоящую баночку в магазине и привив тем самым любовь к пище, которая была им не по карману: Томкинс, будучи в общем и целом глуповатым котом, каким-то образом научился различать этикетки. Дело

было еще и в том, что Бивис слишком много рабочего времени посвящал играм с ним: то кидал мячик для пинг-понга, то бегал по офису с кроличьей лапкой на веревочке, покрикивая:

– Взгляните, мисс Грей! Ну разве не умный маленький попрыгунчик?

Умный маленький попрыгунчик, еще больше усугубивший затор на Кингли-стрит, забежал в дальний вход в аптеку, а Бивис шумно следовал за ним по пятам. Корделия поняла, что ни котенок, ни юноша скоро не вернуться. Бивис заводил новых друзей так же легко, как некоторые подбирают на улице мусор, и Томкинс прекрасно ему в этом помогал. Взгрустнув от того, что у Бивиса выдалось совершенно непродуктивное утро, Корделия осознала, что и сама испытывает апатию и нежелание трудиться. Она встала, прислонившись к дверному косяку, закрыла глаза и подняла лицо, подставив его неожиданно теплым лучам сентябрьского солнца. Усилием воли оторвавшись от монотонного грохота и шума улицы, всепроникающего запаха бензина, топота прохожих, она задумалась над соблазнительной, но нереальной перспективой – бросить все и оставить после себя лишь перекошенную табличку как напоминание о попытках продолжить дело покойного Берни и воплотить в жизнь его невероятную мечту.

Видимо, она должна была испытать облегчение от того, что агентство начало приобретать хоть какую-то репутацию, пусть даже в сфере розыска пропавших животных. Несомненно, такие услуги были востребованы, и в этой области они, похоже, установили монополию. Клиенты, заливаясь слезами, отчаявшись и разозлившись на якобы грубое безразличие местного отделения уголовного розыска, никогда не скупилась на оплату счетов и приносили деньги быстрее, чем если бы у них пропал кто-то из родственников, как подозревала Корделия. Даже когда поиски оказывались тщетными и ей приходилось приносить извинения, их труд неизменно оплачивался без малейших возражений. Вероятно, мотивацией для хозяев животных служила естественная человеческая потребность в момент утраты ощутить, что все возможное было сделано, даже если при этом не приходилось надеяться на успех. Однако им часто везло. Мисс Модсли, например, хорошо удавался опрос соседей, к тому же она обладала необъяснимой способностью понимать ход кошачьих мыслей, благодаря чему им удалось спасти около полудюжины кошек, мокрых, полуголодных и жалобно мяукающих, и вернуть их восторженным владельцам. Периодически при этом обнаруживалась предательская сущность этих животных, которые вели двойную жизнь и с завидным постоянством посещали свой второй дом. Мисс Модсли научилась подавлять робость, отправляясь на поиски улизнувших котов, а по утрам в субботу специально гуляла по рынкам Лондона с их кричащим изобилием и тайными опасностями с таким видом, будто ее защищали некие небесные силы, и ей самой, несомненно, казалось, что так и есть.

Однако Корделия время от времени задавалась вопросом, что подумал бы бедный амбициозный Берни о незавидной судьбе детища своей мечты. Убаюканная умиротворяющим теплом и светом солнца, Корделия с удивительной ясностью вспоминала его уверенный и даже слишком громкий голос: «Да тут золотая жила, партнер, нужно только начать». Она могла лишь радоваться, что он так и не узнает, что игра не стоила свеч, а овчинка – выделки.

Голос, тихий и властный, явно принадлежавший мужчине, вывел ее из забытья:

– Вывеска у вас кривая.

– Я знаю. – Корделия открыла глаза.

Голос оказался обманчив: мужчина был старше, чем она подумала, чуть больше шестидесяти. Несмотря на жару, на нем был твидовый пиджак, хорошего покроя, но старый, с кожаными заплатками на локтях. Он был невысок, может, чуть выше пяти футов десяти дюймов, держался прямо. Поза его была непринужденной и уверенной, почти изящной, однако в ней чувствовалась некая настороженность, словно он ждал приказа. Она задалась вопросом, не служил ли этот человек в армии. Подбородок он держал высоко, а голову – прямо. Седые

и не особенно густые волосы были зачесаны назад над высоким морщинистым лбом. Лицо оказалось вытянутым и костлявым, с крупным носом, выпирающим на фоне щек, покрытых сеткой расширенных сосудов, и полными красивыми губами. Из-под мохнатых бровей на нее внимательно смотрели его глаза – как она чувствовала, не без симпатии. Левая бровь была выше правой – Корделия заметила, что он привык шевелить бровями и постоянно приподнимал уголки губ. Из-за этого на его лице отражалось некое беспокойство, которое странным образом не соответствовало расслабленности его тела, поэтому она ощутила смутную неловкость, когда попыталась посмотреть ему в глаза. Он сказал:

– Лучше бы вам переделать ее как надо.

Корделия молча наблюдала, как он поставил на землю чемодан, вытащил из кармана ручку и кошелек, нашел визитную карточку и написал что-то на ее обороте прямым школьным почерком.

Взяв карточку, Корделия увидела только одно слово: «Морган» – и телефонный номер. Потом посмотрела на лицевую сторону. Там значилось: «Сэр Джордж Ральстон, баронет, награжден орденом «За боевые заслуги» и Военным крестом».

Значит, она была права: он действительно служил в армии. Корделия поинтересовалась:

– И много он возьмет, этот мистер Морган?

– Меньше, чем другой за некачественно сделанную работу. Скажите, что это я дал вам его телефон. Он попросит за работу ровно столько, сколько она стоит, не больше.

Корделия подняла голову. Кособокая вывеска после серьезного критического осмотра, которой ее подверг этот внезапно появившийся эксцентричный странствующий рыцарь, вдруг показалась ей невыносимо смешной. Как будто перед ней не что-то ужасное, а, наоборот, нечто забавное. Даже Кингли-стрит преобразилась с переменой ее настроения и приняла вид сияющей, залитой солнцем ярмарки, пульсирующей оптимизмом и жизненной энергией. Она чуть не рассмеялась вслух, но, поджав дрожащие губы, с серьезным видом произнесла:

– Очень мило с вашей стороны. Вы ценитель вывесок или бескорыстный благодетель, который трудится на добровольных началах?

– Некоторые думают, что я как раз представляю собой угрозу обществу. На самом деле я ваш клиент, если вы Корделия Грей. Разве вам никогда не говорили...

Корделия, как и следовало ожидать, испытала разочарование. С какой стати она решила, что он чем-то отличается от других клиентов-мужчин? Она закончила фразу за него:

– Что это неподходящая работа для женщины? Да, говорили, но это не так.

Он мягко заметил:

– Я собирался поинтересоваться, не говорили ли вам, что ваш офис трудно найти. Эта улица – суший кошмар. У половины домов неправильные номера. Полагаю, их слишком часто меняли. Однако новая вывеска исправит ситуацию, если ее грамотно разместить. Лучше бы вам заняться этим поскорее. Она портит все впечатление.

В это мгновение возле них остановился запыхавшийся Бивис. Из кармана его рубашки красноречиво торчала отвертка. Прижимая громко урчащего Томкинса к покрасневшей щеке, он казался милейшим малым, особенно в глазах человека, который увидел его в первый раз. Корделия одарила его холодной ремаркой: «Нечем заняться?» – и взглядом, который явно отрицал его принадлежность к сотрудникам агентства.

– Так мы поднимемся? – повернувшись к ней, произнес сэр Джордж.

Корделия старалась не встречаться взглядом с Бивисом, который поднял глаза к небу, и они друг за другом поднялись по узкой, покрытой линолеумом лестнице. Корделия шла впереди; они миновали один-единственный туалет с умывальником, которым пользовались все арендаторы здания (она надеялась, что сэру Джорджу не понадобится туда зайти), и ока-

зались в маленьком коридоре на третьем этаже. Мисс Модсли встревоженно посмотрела на них поверх пишущей машинки. Бивис усадил Томкинса в корзинку, где тот тут же принялся умываться, пытаясь избавиться от всей грязи Кингли-стрит, окинул мисс Модсли укоризненным взглядом широко раскрытых глаз и беззвучно прошептал слово «клиент». Мисс Модсли вспыхнула, приподнялась со стула, потом снова села и принялась замазывать опечатку тряпучей рукой. Корделия провела клиента во внутреннее святилище.

Когда они уселись, она спросила:

– Хотите кофе?

– Настоящий кофе или суррогат?

– Что ж, полагаю, вы назовете его суррогатом. Но это самый качественный суррогат.

– Тогда чай, если он у вас есть. Желательно индийский. И, пожалуйста, с молоком.

Без сахара. И никакого печенья. – Такой просьбой он не хотел никого оскорбить. Он просто привык излагать факты и прямо говорить, чего хочет.

Корделия выглянула за дверь и обратилась к мисс Модсли:

– Чай, пожалуйста.

По приготовлению чай будет подан в изысканных рокингемских чашках, которые мисс Модсли получила в наследство от матери и одалживала агентству исключительно для обслуживания особо важных гостей. Корделия не сомневалась, что сэр Джордж покажется мисс Модсли достойным рокингемского сервиса.

Они смотрели друг на друга, сидя по обе стороны стола Берни. Его живые глаза серого цвета изучали ее лицо, словно он был работодателем, а она – соискателем, что в некотором роде, как она подозревала, соответствовало действительности. Прямой пристальный взгляд этих сияющих глаз резко контрастировал с судорожно гримасничавшим ртом и сбивал ее с толку! Наконец он произнес:

– Почему вы решили назваться агентством Прайда?

– Потому что основателем агентства был бывший лондонский полицейский Берни Прайд. Я некоторое время работала его ассистентом, потом он повысил меня до партнера. После его смерти агентство перешло ко мне.

– Как он умер?

Вопрос, прозвучавший агрессивно, как обвинение, показался ей странным, но она спокойно ответила:

– Он вскрыл себе вены.

Ей не требовалось закрывать глаза, чтобы вновь представить эту картину, как в застывшем кинокадре, невыносимо ярком, с острыми контурами. Берни полулежал в кресле, в котором сейчас сидела она. Его наполовину сжатая в кулак правая рука лежала рядом с опасным лезвием, безвольная левая рука с зияющим порезом на запястье покоилась ладонью вверх в емкости с водой, как экзотическая актиния в приливной волне, сворачивающая в предсмертной агонии бледные сморщенные щупальца. Но приливная волна не бывает такой ярко-розовой. Корделия вновь ощутила всепроникающий тошнотворно-сладкий запах свежей крови.

– Свел счеты с жизнью, не так ли? – Его тон стал более непринужденным. Таким голосом партнер по гольфу мог бы поздравить Берни с удачным ударом. Однако вид, который он принял, окинув взглядом кабинет, позволял предположить, что, по его мнению, такой поступок с учетом всех обстоятельств представлялся ему вполне обоснованным.

Корделия не испытывала желания взглянуть на кабинет его глазами. Ее и так удручало то, что она видела сама. Они вместе с мисс Модсли обновили помещение: выкрасили стены в бледно-желтый цвет, чтобы кабинет казался светлее, и почистили выцветший ковер специальным средством. Высох он кусками, так что в итоге стал похож на пораженную болезнью кожу. Со свежевystиранными занавесками кабинет хотя бы стал чистым и опрятным, пожалуй, даже слишком опрятным, поскольку отсутствие всякого хлама подразумевало, что они

не особенно загружены работой. Все горизонтальные поверхности были уставлены горшками с растениями. Мисс Модсли любила выращивать растения, и черенки, которые она срезала со своих домашних питомцев и нежно лелеяла в самых странных емкостях, собранных во время вылазок на уличные рынки, процветали, несмотря на тусклый свет. В результате возникало впечатление, что вся эта буйная растительность хитрым образом используется для того, чтобы отвлечь внимание от жалкого оформления помещения. Корделия до сих пор сидела за старым дубовым столом Берни и все еще видела перед собой очертания сосуда, в который вместе с кровью вытекла его жизнь, все еще различала пятно от разбавленной водой крови. На столе осталось так много отпечатков и так много пятен. Его шляпа с загнутыми полями и неряшливой ленточкой все еще висела на кривой деревянной вешалке. Ни на одной распродаже старых вещей не приняли бы такой товар, а она не могла заставить себя ее выбросить. Ей дважды удавалось донести шляпу до мусорного контейнера на заднем дворе, но у нее так и не поднялась рука бросить ее внутрь. Корделии казалось, что это последнее символическое отречение от Берни будет гораздо более болезненным, чем удаление его имени с вывески. И даже если агентство в итоге разорится – а она старалась не думать о том, во сколько обойдется аренда офиса, когда настанет время платить по счетам при пролонгации договора через три года, – она подозревала, что так и оставит висеть здесь шляпу в ее жалкой ветхости. И в итоге чужие руки с отвращением кинут ее в мусорное ведро.

Подали чай. Сэр Джордж подождал ухода мисс Модсли, потом, тщательно отмерив необходимое количество молока, от капли до капли, налил его в чашку и сказал:

– Работа, которую я предлагаю, предусматривает ряд обязанностей. Вы будете отчасти телохранителем, отчасти – личным секретарем, отчасти – следователем, и отчасти – сиделкой. Всего понемногу. Такое не каждому подойдет. И никогда не знаешь, чем это обернется.

– Вообще-то я частный детектив.

– Не сомневаюсь. Однако в наши дни не стоит проявлять чрезмерную разборчивость. Работа есть работа. Быть может, вы окажетесь в такой ситуации, когда вам придется за кем-то следить, и это даже будет связано с насилием, хотя вряд ли. Неприятно, но не опасно. Если бы я считал, что существует реальная угроза для моей жены или для вас, я не обратился бы к детективу-любителю.

Корделия произнесла:

– Вероятно, вы захотите объяснить, что именно от меня потребуется.

Он нахмурился, глядя на чашку с чаем, словно ему не хотелось поднимать эту тему, но когда заговорил, речь его зазвучала ясно, четко и в ней не чувствовалось сомнения.

– Моя жена – актриса Кларисса Лайл. Возможно, вы о ней слышали. Многие люди, похоже, знают ее, хотя в последнее время она не особенно часто выступала. Я ее третий супруг, мы поженились в июне 1978 года. В июле 1980 года ее пригласили на роль леди Макбет в театр герцога Кларенса. На третьем спектакле, который должен был идти в театре полгода, она получила письмо, которое, как ей показалось, представляло угрозу ее жизни. С тех пор она постоянно получает такие послания.

Он стал пить чай. Корделия поймала себя на мысли, что смотрит на него с беспокойством ребенка, словно надеется, что сможет заинтересовать его. Пауза затянулась. Она поинтересовалась:

– Вы сказали, что в первом письме прозвучала угроза. Вы намекаете, что его содержание было двусмысленным? Какую именно форму принимают эти угрозы?

– Это письма, напечатанные на машинке. На разных машинках, на первый взгляд. Каждое послание сопровождается маленьким изображением гроба или черепа. В каждом содержатся цитаты из пьес, в которых играла моя жена. Все цитаты так или иначе связаны со смертью: страхом смерти, смертным приговором, неизбежностью смерти.

Повторение этого загадочного слова давило на нее. Но ведь ей только показалось, что он произносил его с неким язвительным удовлетворением? Она спросила:

– Однако конкретных угроз в ее адрес не поступало?

– Она расценивает эти намеки на смерть как угрозу. У нее чувствительная натура. Такими и должны быть актрисы, насколько я понимаю. Они нуждаются в любви и восхищении. А текст посланий звучит совсем не дружелюбно. У меня с собой есть кое-какие письма, которые она сохранила. Но самые первые отправились в мусорное ведро. Вам же понадобятся доказательства.

Он открыл портфель и достал пухлый конверт из манильской бумаги, выудил из него кучу маленьких листочков и принялся раскладывать их на столе. Корделия тут же узнала этот тип бумаги – популярная, но не самая качественная белая писчая бумага, которая продавалась в трех форматах вместе с подходящими по размеру конвертами в тысячах канцелярских лавок. Отправитель был бережлив и выбрал самый маленький формат. На каждом листочке красовалась напечатанная цитата, над которой на расстоянии дюйма нависал либо маленький вертикальный гроб с текстом «Мир праху твоему» на крышке, либо череп и кости. Ни первый, ни второй рисунок не имели особой художественной ценности, оба больше походили на эмблемы без претензии на точное воспроизведение реальных объектов. С другой стороны, их рисовал человек с уверенной рукой и развитым чувством прекрасного, а это позволяло предположить, что он неплохо управлялся с пером или – в данном случае – с черной шариковой ручкой. Под костлявыми пальцами сэра Джорджа белые листы бумаги с черными картинками перемещались и перетасовывались, как карты перед какой-то зловещей игрой, цель которой состояла в охоте за цитатами из капкана убийцы.

Многие цитаты оказались знакомыми, эти слова легко бы вспомнил любой человек, читавший Шекспира и поэтов времен Якова Первого и любивший размышлять над упоминаниями о смерти и ужасах пребывания на смертном одре в английской драме. Даже читая эти строки сейчас – в сокращенном варианте и в обрамлении ребяческих рисунков, – Корделия чувствовала их мощь и ностальгический настрой. Большинство цитат было из Шекспира, и автор, разумеется, не упустил самого очевидного. Пока самым длинным (ну разве отправитель мог перед этим устоять?) был мучительный монолог Клавдио из «Меры за меру»:

Но умереть, идти – куда не знаешь!
В недвижности немой лежать и гнить,
Где теплый, полный жизни, мой состав
Сожмется в ком, и восхищенный дух
Вдруг в огненные волны погрузится,
Иль вокруг себя увидит, цепenea,
Пустыни вечных льдов; быть заключенным
Среди незримых бурь и непрерывно
Носиться вокруг летающей земли;
Иль худшим стать, чем худшие меж теми,
Которые свой помысл беззаконный
Лишь воем выражают. Ах! ужасно!
Тягчайшая, печальнейшая жизнь,
Болезни, старость, горе и темница,
Гнетущие людей – все это рай
Пред тем, что в смерти мы боимся!²

² Пер. Ф.Б. Миллера.

Она с трудом представляла, как можно было истолковать этот известный отрывок в качестве страшного предостережения. Однако остальные цитаты больше походили на угрозы и, как ей показалось, содержали намеки на расплату за реальные или воображаемые злодеяния.

Тот, кто умирает, платит по всем долгам³.
О, ты, чудно красивый цветок,
Издающий такое сладкое благоухание,
Как было бы хорошо, если бы ты никогда не родилась на свете⁴.

Иллюстрации тоже были тщательно продуманы. Над строками из «Гамлета» красовался череп:

Так поди же, сбегай скорей в уборную к барыне и скажи ей, что, сколько бы она румян и белил ни накладывала, все же в конце концов лицо у нее будет точно такое же: рассмеши ее этим⁵.

А также отрывок, который, по мнению Корделии, принадлежал перу Джона Уэбстера, хотя определить пьесу она не могла:

Чрезмерно тревожась о безопасности, вы не научились ни тому, как надо жить, ни тому, как надо умирать. Но у меня есть кое-что, что удивит вас и заставит понять, куда вы направляетесь.

Но даже при всей актерской чувствительности у человека должно быть воистину непоколебимое самомнение, чтобы выдернуть эти знакомые фразы из контекста и принять их на свой счет. Дело либо в этом, либо в страхе перед смертью, настолько сильном, что он вселял искренний ужас. Корделия вытащила записную книжку из ящика стола и спросила:

– Как их доставляют?

– Большинство приходит по почте в тех же самых конвертах, которые продаются вместе с бумагой, адрес напечатан на машинке. Моей жене не пришлось в голову сохранить хоть один из конвертов. Несколько посланий было доставлено курьером в театр и нашу лондонскую квартиру. Один конверт подсунули под дверь гримерной во время показа «Макбета». Первую полудюжину писем мы уничтожили, и мне кажется, так следовало поступить и с остальными. Оставшиеся двадцать три письма – все, что у нас есть. Я пронумеровал их карандашом в порядке получения, насколько помнит моя жена, и подписал, когда и как каждое из них было получено.

– Спасибо. Это должно помочь. Ваша жена играла во многих постановках Шекспира?

– Она три года состояла в труппе театра города Малверна, после того как закончила театральное училище, и тогда много играла. В последнее время – меньше.

– Первое из писем, которое она выбросила, доставили, когда она исполняла роль леди Макбет. Что именно произошло?

– Первое послание расстроило ее, но она никому о нем не рассказывала. Она решила, что это ни с чем не связанное проявление злобы. Она утверждает, будто не помнит, что там говорилось, однако насчет изображения гроба у нее сомнений нет. Потом пришли третье и четвертое послания. В третью неделю сезона жена сильно нервничала, и ей требовался суфлер. В субботу она ушла со сцены во втором акте, и ее заменила дублерша. Все это связано с уверенностью в себе. Когда боишься, что текст вылетит из головы, так и будет. Она смогла вернуться к исполнению роли через неделю и с большим трудом продержалась еще

³ У. Шекспир. Буря, действие 3, сцена 2.

⁴ У. Шекспир. Отелло, действие 4, сцена 2.

⁵ У. Шекспир. Гамлет, действие 5, сцена 2, пер. А.А. Месковского.

шесть недель. После этого она должна была появиться в Брайтоне в очередной постановке по одному из детективов тридцатых годов, в которых наивную главную героиню зовут Банти, а героя – Клайв, все мужчины носят длинные теннисные фланелевые штаны и ходят туда-сюда через огромные французские окна. Любопытное произведение. Роли в нем не из тех, к которым она привыкла. Но она классическая актриса, а в театрах сейчас не так много предложений для женщины среднего возраста. Слишком много хороших актрис соревнуются за несколько ролей. И тут все повторилось. Очередное письмо доставили в то утро, когда в театре начали играть постановку, а потом они стали приходить постоянно. Постановку сняли через четыре недели, и, вероятно, это было связано с игрой моей жены. Она так решила. Я в этом не уверен. Сценарий был ужасен, я и сам не мог в нем разобраться. Больше Кларисса не играла, до тех пор пока не согласилась на роль в пьесе Уэбстера «Белый дьявол» в Ноттингеме. Виктория или что-то вроде того.

– Виттория Коромбона.

– Может, и так. Я уехал в Нью-Йорк на десять дней и ни о чем не знал. Но произошло то же самое. Первое послание пришло в день премьеры. На этот раз моя жена отправилась в полицию. Но без особых успехов. Они забрали записки, подумали над ними и принесли их назад. Посочувствовали, но ничего толком не сделали. Дали ей понять, что не воспринимают эти угрозы всерьез. Подчеркнули, что если люди серьезно настроены на убийство, то идут и убивают, а не сыплют угрозами. Должен признаться, я разделяю эту точку зрения. Однако кое-что они обнаружили. Письмо, которое пришло во время моего пребывания в Нью-Йорке, было напечатано на моей старой машинке «Ремингтон».

– Вы до сих пор не объяснили, чем я могу помочь, по вашему мнению, – заметила Корделия.

– Я подбираюсь к этому. В ближайшие выходные моя жена играет главную роль в любительской постановке по Уэбстеру «Герцогиня Амальфи». Актеры играют в викторианских костюмах, а сам театр находится на острове Корси, на расстоянии около двух миль от побережья Дорсета. Владелец острова, Эмброуз Горриндж, отреставрировал маленький викторианский театр, который построил еще его прадед. Я так понимаю, основатель рода Горринджей, который перестроил разрушенный средневековый замок, раньше развлекал принца Уэльского и его любовницу, актрису Лилли Ленгтри, и все гости смотрели там любительские постановки. Полагаю, нынешний владелец пытается вернуть театру былую славу. В одной из воскресных газет примерно год назад вышла статья с описанием острова, реставрации замка и театра. Возможно, вы ее видели.

Корделия ничего такого не помнила.

– И вы хотите, чтобы я отправилась на остров вместе с леди Ральстон?

– Я надеялся поехать с ней сам, но это невозможно: у меня назначена встреча в западной части страны, и я не могу ее пропустить. Я собираюсь поехать в Спимут с женой рано утром в пятницу и покинуть ее в день премьеры. Но ей нужно, чтобы кто-то был рядом. Выступление очень важно для нее. Весной пьесу будут вновь ставить в Чичестере, и если она вернет себе былую уверенность, то, вероятно, сможет принять участие. Более того, она считает, что угрозы достигнут апогея в эти выходные и кто-то попытается убить ее на острове Корси.

– У нее должна быть причина, раз она так думает.

– Она не может этого объяснить. Как не может убедить полицию в том, что существует реальная угроза. Возможно, это иррационально. Но у нее такое ощущение. Она попросила меня обратиться к вам.

И он пришел к ней. Всегда ли он делал то, что просила жена? Корделия снова спросила:

– Что именно я должна буду делать, сэр Джордж?

– Защищать ее от внешних раздражителей. Отвечать на телефонные звонки. Открывать любые письма. Проверять сцену перед выступлением, если будет возможность. Находиться рядом с ней весь вечер. Именно во время выступления она нервничает больше всего. Также нужно привнести свежий взгляд на проблему писем. Выясните, если сможете всего за три дня, кто несет за это ответственность.

Прежде чем Корделия успела хоть как-то отреагировать на его четкие указания, ее снова пронзил обескураживающий взгляд серых глаз из-под суровых бровей.

– Вы любите птиц?

Корделия оторопела. Она предполагала, что не много найдется людей, за исключением тех, кто страдает определенной фобией, которые признаются в том, что не любят птиц. В конце концов, птицы – одни из самых изящных, хрупких созданий, созданных природой. Однако она подозревала, что сэра Джорджа интересует, сможет ли она опознать камышового луня на расстоянии пятидесяти ярдов. Она осторожно произнесла:

– Я не очень хорошо разбираюсь в необычных экземплярах.

– А жаль. На острове один из лучших птичьих заповедников в Великобритании, вероятно, самый интересный из тех, что находятся в руках частных владельцев, почти такой же интересный, как на Браунси-Айленд в Пул-Харбор. Хотя они очень похожи, если задуматься. На Корси не меньше редких птиц: синеухие и суинхолдские фазаны, а также канадские гуси, черные веретенники и кулики-сороки. Жаль, что вы этим не интересуетесь. Есть хоть какие-то вопросы по делу, о котором я рассказал?

Корделия задумчиво произнесла:

– Если мне предстоит провести три дня с вашей женой, разве она не должна поговорить со мной, прежде чем примет решение? Важно, чтобы она почувствовала, что может мне доверять. Она меня не знает. Мы даже не встречались.

– Встречались. Вот откуда она знает, что может вам доверять. Она пила чай у некоей миссис Фортеск на прошлой неделе, когда вы вернули хозяйке их кота. По-моему, хулигана зовут Соломон. Очевидно, вы обнаружили его в течение получаса с момента начала поисков, так что ваш гонорар оказался поразительно мал. Миссис Фортеск обожает это животное. Вы могли бы запросить втрое больше. Она не стала бы спорить. Это произвело впечатление на мою жену.

Корделия сказала:

– Наши услуги стоят довольно дорого. Но иначе мы не можем. Зато мы честны с клиентами. – Она вспомнила гостиную на Итон-сквер, пропитанную женственностью комнату (если понятие женственности подразумевает изысканность и богатство), разрозненную, но приятную коллекцию фотографий в серебряных рамках, чаепитие с обильным угощением за маленьким столиком напротив камина в стиле братьев Адам – и все это в окружении огромного количества цветов в традиционном стиле. Миссис Фортеск, не помня себя от радости и облегчения, из приличия представила гостью Корделии, но произнесла ее имя так нечетко, уткнувшись в мех Соломона, что Корделия так ничего и не запомнила. Однако впечатление о присутствовавшей даме она определенно составила. Посетительница спокойно восседала в кресле у камина, закинув одну стройную ногу на другую, а руки ее, унизанные тяжелыми кольцами, возлежали на подлокотниках. Корделия припоминала желтого цвета волосы, уложенные и закрученные над высоким лбом, маленький, словно распухший от пчелиных укусов рот и огромные, глубоко посаженные глаза под тяжелыми, словно опухшими, веками. И она явно чем-то отличалась от других. Казалось, она приносила в конформистскую роскошь этой гостиной некую изящную, почти священную грацию, и благодаря этому, несмотря на самый обычный деловой костюм из замши, представлялась личностью уникальной не то благодаря принадлежности к актерской профессии, не то из-за собственной эксцентричности. Несмотря на видимое спокойствие, умиротворения она не излучала.

Корделия сказала:

– Я не узнала вашу жену, но очень хорошо ее помню.

– И вы возьметесь за работу?

– Да, возьмусь.

– Это сильно отличается от розыска пропавших котов. Миссис Фортеск сказала моей жене, сколько вы берете за день. Полагаю, такая работа будет стоить дороже.

Корделия ответила:

– Дневной тариф остается неизменным, какой бы ни была работа. Конечная сумма счета зависит от затраченного времени, при этом не важно, работаю ли я сама или мои сотрудники. Расходы также учитываются. Иногда выходит довольно дорого. Но поскольку я приеду на остров в качестве гостя, не придется платить за проживание в отеле. Когда я должна приехать?

– Корабль отправляется с Корси. Он называется «Шируотер» и будет стоять на пристани Спимута, так что вы как раз сможете добраться туда на утреннем поезде из Ватерлоо, который уходит в девять тридцать три. Ваш билет лежит в этом конверте. Моя жена позвонила и сообщила мистеру Горринджу, что привезет с собой компаньонку-секретаршу, которая будет оказывать ей помощь в самых разных делах в течение этих выходных. Так что ваш приезд не станет сюрпризом.

Значит, Кларисса Лайл не сомневалась, что она возьмется за работу. Почему бы и нет? И она взялась. К тому же Кларисса явно не переживала на счет того, удастся ли ей договориться с Эмброузом Горринджем. Ей казалось, что предложенное объяснение появления Клариссы в сопровождении секретаря выглядит неправдоподобно. Корделия задалась вопросом, насколько ей поверят. Приезд в загородный дом на выходные в сопровождении частного детектива допустим для особы королевской крови, но когда речь идет о менее важной персоне, такое поведение явно свидетельствует о недостатке доверия к хозяину. А приглашение детектива инкогнито может расцениваться как нарушение этикета. Ей будет нелегко защищать мисс Лайл, не выдавая обмана, а правда едва ли порадует хозяина и других гостей. Она сказала:

– Мне нужно знать, кто еще будет на острове, а также все, что вам известно об этих людях.

– Рассказать я могу не много. Ко второй половине субботы, когда приедут актеры и приглашенные гости, на острове соберутся около сотни человек. Но вечеринка планируется небольшая. Моя жена, разумеется, будет с Толли – мисс Толгарт, своей костюмершей. Также приедет пасынок моей жены Саймон Лессинг. Это семнадцатилетний школьник, сын второго мужа Клариссы, утонувшего в августе 1977 года. Ему не понравились родственники, которых назначили его опекунами, поэтому жена решила взять его под крыло. Точно не знаю, зачем его пригласили, вообще-то он интересуется музыкой. Вероятно, Кларисса подумала, что ему пора обрести новых знакомых. Он застенчивый юноша. Еще ожидается ее кузина, Роума Лайл. Раньше она была школьной учительницей, а теперь держит книжный магазин где-то на севере Лондона. Она не замужем, ей около сорока пяти лет. Я видел ее только два раза. Возможно, она приедет со спутником, но даже если и так, я не могу вам сказать, кто он. Еще вы познакомитесь с театральным критиком Айво Уиттингемом. Это давний друг моей жены. Предполагается, что он напишет статью о театре и самом спектакле для одного из глянцевого журналов. Разумеется, там будет и Эмброуз Горриндж. А еще трое слуг: дворецкий Мунтер, его жена и Олдфилд – лодочник и на все руки мастер. Думаю, это все.

– Расскажите мне о мистере Горриндже.

– Горриндж знает мою жену с детства. Отцы обоих были дипломатами. Он унаследовал остров от дяди в 1977 году, когда находился за границей. Это было как-то связано с уклонением от уплаты налогов. Он вернулся в Соединенное Королевство в 1978 году и последние